

Вскоре после этого

Свиток 1,

О СЕКРЕТАХ ВЕЛИКИХ ИГРОКОВ

— **Ш**

озор! – твердо и решительно сказала она. Будто гвозди заколачивала. – Такой позор, что и описать невозможно! Как жить-то теперь после такого? Как людям в глаза смотреть? На рынок пошла – торговки и те вслед плюются! Твой внук, говорят, нашего Содани прибил! Стыд и стыд!

– Да что ж ты такое несешь-то, мать? – дядя со стуком отложил ложку. – Какой еще стыд? Парень наш на первом же своем матче самого Содани выбил – гордиться надо!

– Чем гордиться, если со мной соседки не разговаривают? – бабушка с грохотом водрузила горшок на стол.

– Ну и ты с ними не разговаривай.

– А с кем? С кем мне разговаривать? – подбородок бабушки задрожал. – Вам бы хотелось, чтоб я вообще онемела! Вот печет вам, вот мешает, что у меня друзья есть, что люди меня уважают! Конечно, удивительно вам это, вы-то меня вовсе не уважаете, в грош не ставите! – и она заплакала. Плакать она тоже умудрялась твердо и решительно, будто каждая слеза была комом земли на могилу поверженного врага.

– Ну ежели тебе так нужны эти соседи – на пироги с рыбой их позови. Сразу прибегут! – примирительно предложил дядя.

– Чтоб они подумали, что мне хорошо живется? – взвизгнула бабушка. – Хотя на самом деле вы только и мечтаете, как меня из дому выгнать!

– Ну не выгнали же до сих пор, – в дядином голосе звучала бесконечная усталость.

– Еще бы вы посмели! Вы меня для того держите, чтоб издеваться!

– Да чем же над тобой издеваются, мать? – развел руками дядя.

– А всем! А вот всем! – взвизгнула она. – Вы скоро от меня еду прятать будете!

– Куда? – не выдержав, спросил Хадамаха, оглядывая крохотную кухонку с чувалом да холодильной нишей, выкопанной в земле.

– Найдете куда – я что, все за вас делать должна? А вы пока будете кричать да скандалить?! – заорала она так, что тонкая пластинка льда, вставленная в окошко в потолок, предостерегающе зазвенела.

– Вроде это ты кричишь, – осторожно, будто сам сомневался, вставил дядя.

– А что же мне остается – вы же и верхнего духа до крика доведете! – немедленно парировала бабушка – Это ведь он нарочно! Нарочно Содани выбил! – И ее обвиняющий палец усталился в Хадамахе, как настороженная стрела в переносицу.

Мальчишка поперхнулся, брызгая во все стороны жиденькой кашей на оленьем молоке.

– Видишь, даже возразить нечего! – победоносно глядя на глухо кашляющего Хадамахе, торжествующе выпалила бабушка. – Специально против меня! А ведь я... – она снова всхлипнула – будто дубиной по башке на-вернула. – Я ведь ради него... Целыми Днями! Целыми Ночами не спала! Это все твоя сестра! – враз перестав плакать, решительно припечатала она. – Сама никогда меня не уважала и сына своего научила! Духи, духи, почему вы не прибрали меня из Среднего мира, почему я дожидала до этого страшного Дня! – И, закрыв лицо руками, она ринулась вон из комнаты, с грохотом за-

хлопнув за собой сколоченную из острруганных досок дверь.

Дядя задумчиво поглядел ей вслед и снова невозмутимо вернулся к своей каше.

– Дядя... А почему бабушка из-за меня целыми Ночами не спала, если я только Вечером этого Дня к вам переехал? – вода ложкой в молочной болтушке, спросил Хадамаха.

– Не. Вздумай. Ее. Об. Этом. Спросить, – пристально глядя Хадамахе в глаза и произнося каждое слово отдельно, отчеканил дядя. – Хотя... – он безнадежно махнул рукой, – можешь спрашивать – что б ты ни сделал, все едино быть тебе плохим внуком. Если б Содани выбил тебя, она б сейчас рассказывала, как ей стыдно соседкам в глаза глядеть, что у нее внук такой неумеха.

– Я понял, – кивнул Хадамаха. – Ей всегда и за всех стыдно.

Дядя снова покосился на него и ничего не ответил.

– Тысяцкий всех собирает. Ну, из-за этого... Сам знаешь, чего... – Дядя многозначительно потыкал пальцем вверх, явно намекая на уничтоживший игровую площадку подземный Огонь с небес. Он натянул на плечи пропитанную жиром толстую стражницкую куртку. На спине куртки с трудом можно было рассмотреть полустертый городской герб – походный храм Буровую, символ жрецов-геологов, странствующих в поисках Голубого огня, и бегущую черную лисицу под ней. Впрочем, от времени и снега герб настолько расплылся, что казалось, лисица подкапывает опоры Буровой, а та вот-вот завалится ей на голову. – Но ты, сказал, можешь нынче не ходить, тебе и так досталось, – неуверенно предложил он, косясь на дверь, за которой слышались неумолимые, как наступающее войско, рыдания.

Хадамаха тоже прислушался и покачал головой.

– Схожу, пожалуй, – пряча глаза, пробормотал он и натянул на себя такую же куртку, только кожа на ней

пока что была совершенно новехонькой, без потертостей и царапин.

– А и ладно, – не стал спорить дядя, придирчиво оглядывая племянника с ног до головы и чуть огорченно цокая языком. Хороший парень Хадамаха, но не красавец, как есть не красавец! Одежка мешком висит, как на вырост сшитая. Собственно, так ведь оно и есть. Растет мальчик, подумал дядя и тихонько хмыкнул. Уж да, уж вырастает так вырастает! Время от времени. И он снова засмеялся.

Неслышно прикрыв за собой дверь, дядя с племянником выскользнули на двор и весело зашагали, топоча по приподнятым над дорогой деревянным помостам тротуаров.

Добротно срубленный дядин дом терялся среди таких же – полукруглых или, наоборот, остреньких, как иглы, с двускатными и с плоскими крышами, собранных из бревен или обтянутых берестой. Здешние жители были слишком бедны, чтобы отливать себе настоящие ледяные дома со множеством комнат, а потому обходились берестой и деревом. Но Хадамаха уже знал, что их улица считается «приличной» – были ведь такие, где, кроме шалашей да переносных чумов, ничего и не увидишь! Именно на их улице обычно селились рядовые стражники – как всегда, дядя непрерывно здоровался с попадающимися навстречу мужиками в таких же стражничьих куртках. Причем нынче они кивали не только дяде, но и ему, Хадамахе.

– Ну ты дал! Ну и дал! Мы уж думали, ты никак, а ты... Молодец! – нагнавший их щуплый, похожий на ошипанного вороненка, немолодой дядька Пыу – приятель дяди по стражничьей караулке – походя хлопнул Хадамаху по плечу, хотя для этого ему пришлось встать на цыпочки. – Самого Содани завалил! Жалко, не доиграли!

Неподалеку послышалось фыркание, и стоящая на пороге ближайшего дома женщина одарила Хадамаху недобрый взглядом. Круто повернулась на пятках и

ушла в дом, громко захлопнув за собой дверь. Не иначе есть где-то тайная школа для девочек, где их этому хлопку специально учат! Или просто каждая женщина от рождения знает, как оно – шарахнуть дверью об косяк со всем возможным неодобрением? Выходит, и впрямь городские тетки его невзлюбили. Хадамаха вздохнул.

– Это потому, что красавчик Содани, вот бабам он и полюбился, – сочувственно покосившись на него, сказал дядя. – Уж и не знаю, как он, такой, умудряется каменный мяч бросать-ловить!

– Я тоже раньше не знал, – пробормотал Хадамаха.

– А теперь знаешь? – раздался у него над ухом голос.

– Господин тысяцкий! – вытягиваясь в струнку, приветственно гаркнули стражники.

Высокий и стройный, затянутый в настоящую южную кольчугу плотного плетения поверх обычной стражницкой куртки, тысяцкий Аламжи Мэргэн небрежно отмахнулся, разрешая им стоять вольно. И меч у него на поясе был настоящий, южный, да и сам господин тысяцкий, сказывали, откуда-то из предгорий великого хребта Сумэру, что окаймляет собой всю среднюю Сивир-землю. Вроде бы даже из племени подгорных коневодов, которым за вспыльчивость и горячность запретили достославные и великие жрицы прикасаться к мечу, чтоб те не перебили друг друга. Оттого тысяцкий из родных краев ушел да в стражу подался, что не мог без воинского дела. Но дальше начальник городской стражи затерянного в тайге Сургуда продвинуться не смог – тоже из-за этого.

Мягко ступая в своих сапогах из рыбьей кожи, тысяцкий пошел вперед, позволяя троице стражников следовать за ним. Лавируя между волокушами с мясом и вяленой рыбой, гружеными нартами и всадниками на оленях, они торопливо пересекли раскатанный санный путь. Тысяцкий оглянулся и страдальчески поморщился:

– Прости меня, Высокое небо, а я еще когда-то хо-

тел, чтоб через улицу было проще переходить! Вот, до-хотелся... – с горечью добавил он.

Хоть в городе он жил и недавно, но Хадамаха отлично понял тысяцкого. В тот Вечер минувшего Долго-го дня, когда Хадамаха прибыл в Сюр-гуд с гостинцами от матери в туеске и приглашением от команды каменного мяча городской стражи на груди под паркой, он долго стоял у края этой самой дороги, не зная, как перебраться на другую сторону. Тогда, в багровых лучах заходящего солнца, улица казалась сплошной рекой из нарт, саней, тачек, повозок, они сталкивались, возницы ругались, то и дело пуская в ход ременные бичи и шесты-хореи. Над дорогой стоял неумолчный крик и гам, звучно трубили олени и орали люди. Хадамаха тогда впервые в жизни испугался. Он и сам не помнил, сколько простоял, не решаясь шагнуть в это безумие, сколько раз его толкнули, пнули и обозвали стойбищным, прежде чем он наконец решился пересечь улицу вслед за юркими городскими мальчишками.

То, что они видели сейчас, настоящим дорожным движением не назовешь! Две нарты свободно разъезжаются на одной улице, а между ними еще и пеший пройдет – не заденет!

– Мэнквы... – тоскливо сказал дядя.

Провизии в город привозили все меньше, и только из расположенных поблизости от городских стен стойбищ. Прочих товаров не привозили вовсе – обычно многочисленные торговые караваны из других городов Сивир-земли исчезли, и слухи насчет их судьбы ходили самые жуткие. Да и вообще новости из-за городской стены ничего, кроме ужаса, не вызывали. Там, где из Нижнего мира поднимался алый Огненный потоп чэк-най, вместо селений оставался только выжженный провал в земле. Никто не знал, где Рыжее подземное пламя ударит в следующий раз, но погорельцев становилось все больше и больше. Множились и невесть откуда лезущие многоголовые мэнквы, великаны-людоеды: кто говорил, что их уже сотни, а

кто – и тысячи. Зато людей изрядно поуменьшилось – их выедали целыми стойбищами.

– Все ближе к нам подбираются, – также тоскливо пробормотал тысяцкий.

Стражники переглянулись и тут же демонстративно устались в разные стороны. Об этом боялись не то что говорить – даже думать! Но в крохотной комнатке тысяцкого в центральной караулке висела карта с отметками чэк-наев. С каждым разом подбираясь все ближе, кольцо огненных потоков неумолимо стягивалось вокруг Сюр-гуда, высокомерно обходя другие города Югрской земли. Мэнквы, сперва беспорядочно бродившие по тайге в поисках добычи, теперь тоже подбирались к городу. Их все чаще видели у окрестных сторожевых крепостей, где прятались уцелевшие жители стойбищ. Людоеды бродили под ледяными стенами, ворчали, пуская жадные слюни, и все понимали, что недалек час, когда оголодавшие великаны ринутся на штурм. Если, конечно, засевшие в крепости люди раньше сами не вымрут от голода.

– Обоз-то с едой вы тогда нормально доставили? – неожиданно поинтересовался тысяцкий.

Хадамаха даже вздрогнул, сообразив, что все они думали об одном.

– Доставили, господин тысяцкий, – торопливо заверил его дядька. – В храме забрали, госпожа жрица по хозяйственной части нам все выдала – сани груженные, при них возчики из тундровых хант-манов... Ну а мы честь по чести до точки встречи сопровождали, а там уже стража из лесной крепости обоз переняла.

– Что говорили? – отрывисто спросил тысяцкий.

– Плохо, говорили, – вздохнул дядя, – не знали, довезут ли обоз до крепости или мэнквам попадутся да полягут по дороге. А и довезут – цела ли еще крепость.

– Тундровые возницы тоже недовольные, – тихо добавил Хадамаха. – Мэнквов у них нет, а чэк-наи есть, а после них из-под земли мерзлые чудища с двумя хво-

стами лезут – один хвост спереди, другой сзади. Жрицы забрали припасы, голод начинается...

Тысяцкий бросил на Хадамаху короткий предостерегающий взгляд:

– Этим пусть Храм занимается, нам бы со своим разобраться.

Кое-кто из беженцев добирался и до города, но мало, очень мало. В город их велено было не пускать, а отправлять прямо в местный храм – особенно почему-то интересовались уцелевшими при чэк-наях. Растерянные, израненные мужчины, женщины с мертвыми глазами и обессиленными от ужаса детьми на руках входили в ледяные ворота... и даже всюду бывающие и все замечающие стражники больше никогда не встречали их на городских улицах. Даже бесстрашный тысяцкий не решался спросить об их судьбе – местный храм походил на осиное гнездо, в которое ткнули палкой, а жрицы кидались боевыми Огненными шарами при первом же неосторожном слове.

Хадамаха точно знал, что последнее время караульщики у ворот перестали докладывать в храм о новых беженцах. Пусть их Уот Огненноглазая разбирается, что они там с людьми делают, но ясно же, что ничего доброго, а стражники все же не звери. Во всяком случае, не все и не всегда. Хадамаха мысленно усмехнулся.

Ремесленная слобода закончилась. Дома вокруг становились все солиднее и добротнее, чаще стали попадаться закрепленные на стенах светильники с Голубым огнем. Они перешли еще одну некогда оживленную, а сейчас притихшую улицу, повернули... Раскатанный под нарты снег дороги сменился гладким, как Огненный шелк, льдом, по которому на прикрепленных к плотным кожаным торбозам узких стальных полосках неспешно скользили нарядные люди. Ночь здесь отступала. Темноту рассеивали чаши с Огнем, мерцающими бликами отражающимся в полированных стенах вырезанных из льда домов – прозрачных, как

кристалл, молочно-белых, голубоватых и даже темно-лазоревых с прожилками. Вокруг впаянных в лед легких белых оконных рам, созданных жрицами из Огня, видлись причудливые резные узоры. Ледяные скульптуры обрамляли двери и украшали крыши – кое-где прямо над улицей нависали застывшие в полете птицы, лесные девы мис-не с распущенными волосами, тянущий к прохожим лапу медведь. Медведь Хадамахе особенно нравился.

Следуя за тысяцким, они прошли центральной улицей, миновали вылитую из льда скульптуру основателей города – благочестивого странствующего жреца-геолога, которому в здешних местах открылось Место рождения Голубого огня, воеводы, что тринадцать Долгих дней назад начал строительство крепости, купца, открывшего первую лавку, и охотника, принесшего ему пушнину. Каждый День, во время короткого летнего тепла, статуя успевала подтаять, и по холоду ее обновляли, а потому лица отцов-основателей ежедневно менялись. Поговаривали, что городской ваятель брал с купцов немалые деньги, чтоб на следующие День и Ночь придать ледяным скульптурам их облик. Например, воевода уже который День подряд сохранял пухлощекую физиономию местного богатея Ягун-ыки.

Стражники свернули в переулок и оказались перед лишенным всяких украшений, похожим на прямоугольный брус зданием на стальных опорах – главной караульной городской стражи.

– Зайдешь потом ко мне, Хадамаха, – коротко бросил тысяцкий, входя в низкие двери и сворачивая к вытесанной из льда лестнице, покрытой груботканой рогожей, чтоб не скользила под стражницкими сапогами.

Дядя поглядел на Хадамаху с легкой тревогой, но на широкой туповатой физиономии племянника, как всегда, ничего нельзя было прочесть. Так что дяде оставалось только кивнуть и отправиться в оружейную за служебным копьем – был его черед идти в караул к воротам. Зато щупленький Пыу ободряюще ткнул

мальчишку острым локтем в бок – точнее, хотел-то в бок, но достать выше бедра все едино не получилось.

– Наш господин тысяцкий стражницкое дело со всей серьезностью справляет, – потирая отбитый об Хадамаху локоть, недовольно пробормотал он. – Уж коли назвался стражником, так служи, а камешек кидай в свободное от караулов время! У него из-за этого с тойоном вашим командным споры все время, однако. Но ты, паря, не бойсь! – Боль отпустила, и Пыу смягчился. – Ну сходишь пару раз в дозор, в карауле постоишь, а там поймет господин тысяцкий, что нету от тебя никакого толку, и будешь себе тренироваться спокойнешенько!

– Чего это вы, дядька Пыу, думаете, что от меня страже толку не будет? – поинтересовался Хадамаха. В голосе мальчишки не слышно было ни обиды, ни даже любопытства, одно сплошное равнодушие, как если бы он просто уточнял не слишком важный факт – вдруг все ж таки пригодится.

Пыу поглядел недоуменно, словно проверяя, не шутит ли он, а потом рассыпался мелким кудахтающим смешком – аж слезы на глазах выступили.

– Ну ты спросил так спросил! – вытер глаза он. – Почему с него толку не будет, надо же! – передразнил он Хадамаху. – Да потому, что стражницкое дело тонкое, умственное, а ты... – И снова рассмеявшись, он махнул рукой. – Ты рожу-то свою хоть видел, стражничек?! – презрительно процедил Пыу. – Нет – так посмотри! – И он ткнул пальцем в отполированный сотнями ног ледяной пол и, круто развернувшись, пошел прочь, ворча, каким надо быть на всю голову каменным мячом стукнутым, чтоб вообразить, будто такой здоровый малодневный полудурок может соображать в стражницком деле.

Хадамаха полюбовался своим отражением в ледяном полу – отчего же и не поглядеть, когда предлагают? – поправил скособочившуюся пряжку ремня и направился по застеленной рогожей лестнице на второй этаж.

В просторном зале стояли десятки совершенно одинаковых грубо вытесанных столов, заваленных кипами писчей бересты – стражничьими отчетами о происшествиях. Сейчас большинство столов пустовали – тысяцкий полагал, не стражничье это дело, казенные кожаные штаны на лавках протирать. Только сквозь полупрозрачные ледяные стены каморки, отгороженной для самого тысяцкого, виднелось смутное шевеление. Хадамаха неловко откашлялся и, оправив куртку, постучал.

– Заходи! – донеслось изнутри.

Хадамаха аккуратно вдвинулся в слишком низкую и узкую для него дверь и, как всегда, в первую очередь бросил быстрый взгляд на испещренную зловедим красным цветом карту чэк-наев. На ней появились две новые жирные красные точки. Злой дух Сакка, да от туда же до города рукой подать!

Тысяцкий устало потер ладонями лицо, отодвигая наваленные на его столе свитки.

– А ведь я ошибался! – неожиданно выдал начальник городской стражи.

Хадамаха промолчал, продолжая невозмутимо глядеть на тысяцкого.

– Когда говорил, что играть тебе не стоит, – пояснил тот. – Играешь ты тоже хорошо, – неохотно признал он. – И все же... – Тысяцкий резко поднялся из-за стола и, едва не задевая Хадамаху плечом, прошелся по узенькой выгородке – три шага в одну сторону, три шага в другую. Хадамаха торопливо вжался в полупрозрачную стену – сейчас особенно было заметно, что он на полголовы выше тысяцкого и намного шире в плечах, и это ужасно смущало мальчишку.

– За ваш каменный мяч платят, конечно, побольше, чем обычное стражничье жалованье! – продолжал тысяцкий. – Но тебе сейчас всего-то тринадцать – сколько ты сможешь еще этой каменюкой кидаться? До двадцати пяти – много до тридцати Дней! А потом? Кости переломанные, пальцы перебитые-подробленные, а уж

что в голове, о том я вовсе молчу! Только и останется у храмовых ворот милостыню просить! – Он пристально поглядел в неподвижное лицо Хадамахи и снова усмехнулся: – А для стражи от парня, умудряющегося так убедительно прикидываться тупой горой мяса, был бы немалый толк! Ладно... – тысяцкий как всегда резко оборвал разговор. – Ты умный, хоть по виду твоему ни в жизнь не догадаешься! Сам решишь, что к чему!

Хадамаха продолжал молчать. Все господин тысяцкий верно говорит... да только не все знает.

– Так что ты выяснил насчет Богдапки и Содани? – отворачиваясь к прозрачной перегородке, отрывисто спросил тысяцкий.

На всякий случай понизив голос, Хадамаха проворчал:

– От Богдапки мяч с искрами отскакивает, будто камень в камень бьется. Он... – Хадамаха сглотнул, сам не веря своей невероятной догадке. – Каменный он! То есть не мяч... То есть мяч-то, конечно, каменный... Но и Богдапки – тоже... – И он смущенно умолк, ожидая насмешки.

– Все верно. Молодец, – безмятежно кивнул тысяцкий. – Настоящий стражник должен верить собственным глазам! Прозвище Кремень-старик ему дали не только за твердость духа. Мало их осталось, каменных великанов, может, один Богдапки нынче и есть. Это они пока молодые, легко туда-сюда превращаются, а с возрастом человеческого все меньше остается, пока совсем не закаменеют.

Хадамаха нервно поежился, вспомнив попадающие порой в тайге над озерами скалы, похожие на человеческие фигуры, и с почти трусливым облегчением подумал: хорошо, что у его племени все иначе! Потом нахмурился – выходит, на самом деле господин тысяцкий и сам все про Кремень-старика знал?

– Про Содани вы тоже знаете? – мрачно поинтересовался он.

– Думаешь, я тебя на сообразительность прове-

ряю? – покосился на него тысяцкий. – Я вот тоже не сопливый-слюнявый какой, а каменюку вашу и поднять-то толком не могу. А Содани не выше меня ростом, – тысяцкий оглядел Хадамаху, снова заставив мальчишку смущенно потупить, – и в плечах до тебя не дотягивает. А мячом швыряется, будто тот из кожи сшитый и воздухом надутый! Хотел бы я знать – в чем тут дело? Не люблю, знаешь ли, на своей территории никаких загадок! Начинается с загадок, а заканчивается обязательно неприятностями! – И он вопросительно уставился на Хадамаху.

Мальчишка открыл рот, собираясь заговорить... Закрыв снова, пожевал губами... Ну если уж господин тысяцкий про Богдапки верит... И он наконец выпалил:

– Содани – геолог!

– Ну и что? – после недолгой паузы непонимающе переспросил тысяцкий.

Хадамаха подавил недовольство – он рассчитывал, что тысяцкий сообразит все сам и ему не придется объяснять:

– Ну это... того... Видел я... – мальчишка еще больше понизил голос, опасливо поглядывая сквозь полупрозрачные стены. – У него прямо на ладонях – марево! Он мяч... ну... – и уперев глаза в пол, наконец с трудом выдавил: – Огнем держит! Как... как жрицы!

Воцарившаяся в прозрачной выгородке тишина заставила его поднять взгляд. Тысяцкий глядел на него, и в глазах его стыло ошеломление.

– Никто не может, как жрицы! – свистящим шепотом наконец выдохнул он. – Ни один мужчина... Даже геологи, странствующие жрецы... Только ищут Огонь! А управлять не могут! И говорить по-другому – ересь! Да за такие речи тебя на костер! И меня – за то, что слушал!

Мальчишка неопределенно повел плечом – он уже жалел о каждом сказанном слове. Но ведь тысяцкий сам дал ему задание, настоящую стражницкую работу – вызнать секреты двух лучших игроков в каменный

мяч, так неожиданно оказавшихся в далеком от столицы Сюр-гуде. И он должен был отчитаться!

Тысяцкий снова нервно заметался – сейчас он походил на одного из соседей – Амба, которого сородичи Хадамахи поймали прошлым Днем на своей территории. Точно так же тот метался в яме-ловушке, сверкая желтыми глазищами и рыча от ярости.

– Невозможно... Неужели никто бы не заметил? Мальчик ошибся... – с губ тысяцкого срывалось невнятное бормотание. Наконец он остановился и пристально уставился Хадамахе в лицо. – Ты совершенно уверен, что марево, которое ты видел на ладонях Содани, – это был... – голос тысяцкого сорвался на хрип, будто горло отказывалось пропустить еретические слова, – Голубой огонь?

Хадамаха мгновение подумал и покачал головой:

– Нет, господин тысяцкий. Никак не уверен.

– Ну во-от... – тысяцкий резко выдохнул, в голосе у него звучало самое настоящее, неподдельное облегчение, словно весь хребет Сумэру у него с плеч свалился.

Хадамаха не стал ему объяснять, что крохотные, неразличимые обычным человеческим зрением, а заметные только глазам Хадамахи язычки Пламени, проскакивающие между ладонями Содани и каменным шаром, были вовсе не голубого, а багрово-алого цвета. Совсем как низвергнувшийся с небес Рыжий огонь.